

Половина Западного берега уже оккупирована, а сектор Газа в осаде»¹².

Перенесение палестино-изра-

ильского вопроса на октябрь свидетельствует о том, что арабам на данный момент «нечего сказать» Израилю. У тех стран, которые

подписали с ним мирные договоры¹³ «закончились слова». Остальные предпочитают сохранять молчание.

¹ ЛАГ - международная региональная организация. Основана 22 марта 1945 г. в Каире шестью арабскими государствами: Египтом, Трансиорданией, Ираком, Ливаном, Саудовской Аравией и Сирией. Спустя месяц к ним присоединился Йемен. Окончательный состав Лиги оформился 20 ноября 1993 г., когда ее 22-м членом стал Союз Коморских Островов.

На данный момент государствами - членами ЛАГ являются: Алжир, Бахрейн, Коморские острова, Джибути, Египет, Ирак, Иордания, Кувейт, Ливан, Ливия, Мавритания, Марокко, Оман, ПНА, Катар, Саудовская Аравия, Сомали, Судан, Сирия, Тунис, ОАЭ, Йемен. 4 государства имеют статус наблюдателей: Эритрея, Бразилия, Венесуэла и Индия.

² <http://www.haaretz.com/news/prime-minister-benjamin-netanyahu-s-speech-to-aipac-conference-1.265227>

³ <http://www.arabsummits.org/upfiles/qatar.pdf>

⁴ Dina Ezzat. Set to Sirt // Al-Ahram. 2010. № 991, p. 1.

⁵ В 2010 г., перед началом саммита ЛАГ в Сирте, ливанский пар-

ламент не рекомендовал президенту М.Сулейману принимать участие в арабской встрече в верхах.

⁶ <http://www.arabsummits.org/upfiles/ban.pdf>

⁷ <http://www.arabsummits.org/upfiles/turki.pdf>

⁸ <http://www.arabsummits.org/upfiles/mosa.pdf>, p. 9.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Интервью автора с Ахмадом Исой - главой пресс-службы генерального секретаря ЛАГ, 30.06.2010.

¹¹ <http://www.arabsummits.org/upfiles/mosa.pdf>, p. 10.

¹² Salama A.Salama. The Final Summit? // Al-Ahram. 2010. № 991, p. 15.

¹³ Из 22-х арабских государств-членов ЛАГ мирный договор с Израилем подписали лишь три: Египет в 1979 г., Иордания в 1994 г., Мавритания в 1999 г. В марте 2010 г., практически сразу после принятия Израилем решения о строительстве новых поселений в Восточном Иерусалиме, Мавритания отозвала своего посла из Тель-Авива и выслала израильского посла из Нуакшота.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ЭЛИТЫ ТУРКМЕНИСТАНА И ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЕ КЛАНЫ: ОБЩЕЕ, ОСОБЕННОЕ И ТРУДНОСТИ МОДЕРНИЗАЦИИ

Современная туркменская элита - это симбиоз отдельных пластов, образование которых определяется развитием конкретно-исторической ситуации. Пластов, во многом генетически родственных. От начала формирования туркменские элитные кланы сменялись в следующей последовательности: традиционная кочевая (племенная), колониальная, советская номенклатура, современная элита.

Та же ситуация наблюдалась и в других государствах Центральной Азии. При этом революционной и радикальной (по принципу «все вдруг») замены никогда не наблюдалось, отчего можно с большой долей уверенности предположить, что: а) границы смены элит весьма размыты во времени; б) элементы различных типов элит совместно существовали и причудливо переплетались (переплетаются) до настоящего времени.

Эти выводы подтверждаются и материалами, приводимыми в

А.В. ГРОЗИН

Кандидат исторических наук

Вопрос о власти всегда начинается с пристального рассмотрения ее носителей. Азиатские новые независимые государства дали ряд поучительных примеров трансформации и эволюции экс-советских элит в изменившейся исторической и экономической ситуации.

книге ведущего туркменского специалиста в сфере этнической политологии и исторической демографии Шохрата Коджаковича Кадырова «*Элитные кланы. Штрихи к портретам*» (М., ММІХ. 2010. 272 с., илл., схемы, табл.).

Работа ученого, посвященная природе, демографии, генезису и конкретной генеалогии элитных кланов на постсоветском пространстве (в Туркмении - в основном и в первую очередь), безус-

ловно, является чрезвычайно ценным источником, насыщенным, без преувеличения, уникальным материалом. Следует отметить, что эту тему известный этнограф исследовал в других, более ранних своих работах¹.

До советской власти каждое туркменское племя имело свой ареал проживания, свою территорию, а нарушение границ других имело место только в ходе набегов. С установлением советской власти постепенно начали исчезать географические и другие границы между племенами, и люди стали свободно перемещаться, переселяться из одного района в другой. Появились возможности для объединения и превращения туркмен в единую нацию, и эта возможность была в той или иной степени реализована.

Однако полученной свободой жить там, где захочется, туркмены не особенно пользовались: народ привержен к традициям, консерватизму. Предпочитают жить и умереть там, где родились. Поэтому они меньше, чем предста-

вители других национальностей, мигрировали не только в пределах СССР, но и внутри своей республики. Каждое племя оставалось жить в своём большинстве в своих исторических зонах расселения.

Назначение первых лиц в республике по ротации, когда представитель одного племени сменял представителя другого племени, не давало того эффекта, которого ожидала Москва от этой кадровой политики. Туркмены, как это убедительно доказывает Кадыров, до сих пор, по удачному определению ученого, - «нация племен»², а уровень их гражданского самосознания остается низким.

Генетически каждое туркменское племя - а их около 30 и объединяют более 5 тыс. родовых групп - представляет собой достаточно герметичную, особую субпопуляцию. «Нация племен» состоит из субэтнических групп, разобщенных настолько, что о каждой из них, в принципе, можно говорить как о самостоятельном маленьком народе. В данной связи особое внимание к кланам в Туркмении не только оправдано, но и абсолютно необходимо при любом серьезном исследовании.

Руководители республики и в советское время (при руководителях-туркменах, впрочем, и в довоенный, и в послевоенный период XX в. всегда находились нетуркмены на должностях заместителей и различных «третьих секретарей»), и в постсоветское время проводили одну кадровую политику - опору на представителей своего племени. Каждый раз, когда менялся глава государства, менялось и его окружение, практически весь управленческий аппарат.

Трайбализм в республике свое наиболее яркое выражение получил в соперничестве кланов Ахальского оазиса, в котором расположен Ашхабад, с кланами других регионов.

До распада СССР представителям «аборигенов» столичного региона - ахальским (ашхабадским) *туркменам-теке* (или *туркменам-ахалтеке*) - не удавалось прорваться на пост первого руководителя ТССР с 1951 по 1985 г.

И при Сапармурате Ниязове (Туркменбаши) (в 1985-1991 гг. - первый секретарь ЦК КП Туркмении, в 1990-2006 гг. - президент Туркменистана) ситуация в элите

республики принципиально ничуть не изменилась - просто текинцы из «столичного» Ахала, наконец, стали абсолютно доминировать и во власти, и в бизнесе. Многие в Туркменистане (А.Кулиев, Н.Союнов и др.) говорили о том, что Ниязов пытается «ахализировать» страну, превратить ее в «государство ахалтекинцев».

Новый президент Гурбангулы Бердымухамедов (р. в 1957 г. в Ахальском велаяте) принадлежит к племени теке. И при нем практически три четверти всех госчиновников (а силовики - на 9/10) - текинцы (преимущественно из Бахардена, Ахальского велаята). Именно принадлежность к ахалтекинскому племени чаще всего является основанием для получения какого-либо важного чиновничьего кресла.

ПО ПУТИ РЕМОДЕРНИЗАЦИИ

Некоторые востоковеды, уделяя внимание трансформациям традиционного клана в центральноазиатских республиках бывшего Союза, не считают обоснованным утверждение об исторической «неизбежности» отмирания демографических кланов, их перерождении в новые, как отмечает и Кадыров, менее ориентированные на кровное родство элитные группы. Думается, впрочем, что, наряду с вынужденной социальными реалиями Центральной Азии ориентацией на малодетность, имеет место и множество тенденций, входящих в прямое противоречие с «модернизаторскими» векторами развития обществ республик региона. Эти тенденции обобщенно можно назвать «ремодернизацией» и сводятся они к ряду моментов.

1. После распада СССР на территории бывших советских республик Азии стали складываться авторитарные политические режимы с уклоном в укорененную местными традициями и ценностями модель государственно-патерналистского толка. Политический лидер постулирует себя сверху и воспринимается снизу как «отец нации». Вся система власти выстраивается под эту схему.

2. В качестве катализаторов процесса становления патерналистских автократий в регионе

служили, в первую очередь, кланово-племенные регуляторы функционирования центральноазиатских социумов (и у кочевников, и у оседлых народов), сложившиеся еще до вхождения этих территорий в состав Российской империи и сохранившиеся в той или иной степени в их бытность советскими союзными республиками. Клановость во многом предопределила как характер рекрутирования местных политических элит, так и значение «главного предводителя», который и трансформировался со временем в фигуру национального «автократора».

3. В качестве идейных основ патерналистских этнархий региона используются традиционные для региона формы ислама. Закрепленный в исламском богословии принцип слитности, неразделенности власти делает «верховного» носителя власти своеобразным живым воплощением «земного авторитета», «главного арбитра», стоящего над элитами, ветвями власти и народами. Несмотря на процессы русификации и советизации, длившиеся на протяжении более чем 70 лет в республиках Центральной Азии, ислам сохранил свою значимость на культурно-бытовом уровне и стал символом построения нового суверенного государства, возвращения к культурно-историческим традициям. Степень использования конфессионального фактора в целях укрепления режимов власти в регионе значительно варьируется.

4. В качестве несущих политико-институциональных конструкций выступают механизмы и процедуры сильных президентских республик, где главы государств фактически закрепили за собой властные полномочия и прерогативы «пожизненных президентов», которые не просто рассматриваются как гаранты конституций, но как находящиеся над ветвями власти «конституционные монархи», объем полномочий и возможностей которых близки к абсолютным. В максимальной степени это проявилось в феномене «Туркменбаши».

5. В рамках обозначенных моделей происходят процессы формирования патерналистских автократий, рекрутирования и смены политических элит, а также отбор потенциальных «пре-

емников» центральноазиатских лидеров.

Всю эту систему трудно назвать хоть как-то ориентированной на модернизацию: всюду наблюдается архаизация - и в идеологической, и в практической государственной жизни. Естественно, клановая система общества и элиты, улавливая все эти властные импульсы, также, в конечном итоге, ориентируется на различные антимодернизационные, «традиционные», «государственно-консервативные» и т.п. ценности.

Советская власть способствовала укреплению кланового самосознания; ее авторитарно-иерархическая система слилась с традиционной схемой общественных отношений, основанных на коллективистской солидарности и повиновении «старшим». И после распада СССР был запущен социокультурный механизм ретрадиционализации, оборотной стороной которого является доминирование коллективных ценностей над индивидуальными и безусловное подчинение авторитету разнообразных старейшин. Центральноазиатский «башизм» стал особой формой организации политических систем, в рамках которого и произошла архаизация основных политических институтов, характерных не столько для параметров национальных государств новейшего времени, сколько для родоплеменных организаций.

Применительно к Туркмении этот процесс привел к наиболее впечатляющим результатам - политическому режиму, который в максимальной степени приблизился к осуществлению классических параметров как автократии в целом, так и ее патерналистской модификации, сложившейся в Туркменистане при С.Ниязове. Демодернизация и реархаизация способствовали консолидации власти Туркменбаши как национального сверх-автократора, но они же во многом определили и изоляцию страны на международной арене. Подобный режим мог существовать лишь при жизни Туркменбаши, что и показали события после его смерти и процесс, определенный Ш.Кадыровым, как «бархатная клановая революция», в ходе которого старые советские кланы

окончательно сошли с политической арены страны, а ниязовские элитные группы утратили значительную часть влияния. Приход к власти Г.Бердымухамедова внес коррективы в работу механизмов взаимодействия туркменских кланов в их борьбе за власть и ресурсы, но не привел к существенным изменениям самого режима.

СТАРЫЕ ПЛАТЬЯ НОВЫХ ХАНОВ

При всей схожести деления элит в пяти азиатских республиках бывшего СССР, естественно, существуют и значительные отличия.

Например, что бы ни говорилось о двухтысячелетней истории «киргизской государственности», подлинными носителями киргизского самосознания, языка и культуры всегда являлись племя и род. Более того, киргизское племя имело и атрибуты политического сообщества. Племена и роды имели родовые внешние признаки: *ураан* (боевой клич), *туу* (знамя), *тамга* (тавро скота), *намыс* (честь рода), *жардам* (помощь членам рода), *аксакал* (старейшина рода), *баатыр* (герой рода).

Стоит отметить, что и патриотизм в традиционном киргизском понимании во многом связан именно с понятием «своего» племени и его территории. Даже слово «эл» (родственное по смыслу подробно рассматриваемому Ш.Кадыровым понятию «*туркмен или*»³) имеет в киргизском языке два значения. Когда киргиз говорит «*кыргыз эли*» - имеется в виду киргизский народ как нация. Но когда у человека спрашивают «*элин кайсы?*», это значит - «какого ты роду, племени?» И ответ на такой вопрос звучит соответственно: «*солто элинен болом*» (из племени *солто*), или «*элим - адыгине*» (из *адыгине*) и т.д.

Каждый киргиз с молоком матери впитывает сознание главенства интересов своего рода и племени. То же самое наблюдается и у казахов: при всем стремлении власти создать «общество-нацию», «казахстанцев», межплеменные различия казахов, первостепенность самоидентификации по линии - *жуз*⁴-племя-колено (и уже потом

- общекзахское или общекзахстанское) остаются приоритетными. Интересно, что именно у кочевых народов (казахов, киргизов и туркмен), как это демонстрирует новейшая история, «клановое сознание» чаще оказывается гибче (включение иноэтнических элементов через браки, бизнес, землячество и пр.), но одновременно и значительно прочнее, чем у народов с многовековой оседлостью. Узбеки и таджики давно перешли к оседлости, поэтому знание о том, кто из какого рода и племени утратило такое значение и актуальность, как у кочевых народов, и стало, в значительной мере, функцией внутриэлитных взаимоотношений и сугубо функциональным институтом, облегчающим жизнь.

Кланы Узбекистана отличаются от кланов Казахстана. В Казахстане они сформированы, в первую очередь, на основе родоплеменных связей; все казахское население делится на три *жуза*, каждый из которых состоит из нескольких неравнозначных родов, дробящихся на племена и колена. Кланы в Узбекистане сложились по территориальному принципу, в этой республике данное явление совпадает с понятием землячества, представитель другой национальности, как правило, не может быть членом клана.

Узбекские политико-финансовые группировки гибче, чем строго территориальный клан, так как, помимо региональной общности, действуют и другие важные факторы: доступ к финансовым ресурсам, родственные связи, дружеские отношения и т.д. На практике в ташкентскую или самаркандскую политико-финансовые группировки могут входить представители разных регионов и национальностей, что усиливает возможности каждого клана влиять на ситуацию и отстаивать свои интересы*.

* В настоящей статье мы сознательно не детализируем рассмотрение достаточно сложного вопроса кланового членения центральноазиатских социумов. И суфийские братства (тарикаты) и авлоды, не говоря уже о внеклановой степной аристократии - чингизидах и потомках святых, безусловно, оказывают свое влияние на динамику внутриэлитных процессов в постсоветской Азии, но это - тема отдельного разговора.

Ключевые министры в правительстве Узбекистана объединяются в соперничающие блоки, возникающие как на базе кланов или региональной принадлежности, так и на почве личных финансовых интересов.

И в Киргизии родоплеменное деление всегда было серьезным фактором, а после распада СССР произошло, как указывалось ранее, фактически возрождение полуфеодальной системы социальных отношений, поднявшее роль этого фактора на новую высоту. Деление по родам, обычно насчитывающим не менее нескольких тысяч человек, приобрело для людей новую, особую важность, став фактором неформальных социальных гарантий. Наличие в составе клана или рода высокого начальника автоматически укрепляет позиции всего рода, а его поражение снижает статус клана. С конца 1990-х гг. именно «южные кланы» последовательно консолидировали усилия и укрепляли сотрудничество для достижения общей цели - лишения власти «президентского племени» *сары багыш*, нежелавшего «по справедливости поделиться» властью и собственностью⁵ с южными кланами.

Представляется, что все же киргизские родоплеменные объединения - не этно-политические, а, скорее, этно-культурные образования, и резкий рост их политической активности несколько лет назад указывал на слабость собственно политических институтов государства (Ш.Кадыров безусловно, прав, говоря о том, что кланы «подменяют» собой формальные институты власти в случае их недееспособности). Только когда специфические организации, которым положено управлять обществом не справляются со своими функциями, происходит то, что произошло в Киргизии накануне т.н. «тюльпановой революции» марта 2005 г. - политизация кланов. В течение 2005-2006 гг. многие говорили о распадении элиты Киргизии на «северные» и «южные» кланы⁶, но на практике победила общая для стран региона тенденция выстраивания жесткой «властной вертикали» под руководством президента-арбитра, улаживающего споры ведущих элитных кланов страны, регулирующего

их политические и бизнес-амбиции. В апреле 2010 г. вместо К.Бакиева, не сумевшего стать полноценным арбитром в спорах «севера» и «юга», появилось временное правительство, состоящее из ряда амбициозных политических лидеров и с Севера (А.Атамбаев, Т.Сариев и др.) и с Юга (Р.Отунбаева, О.Текебаев, И.Исаков, А.Бекназаров и др.), претендующих на ключевые посты (спикера парламента, премьер-министра, президента) в стране.

В октябре 2010 г. пройдут парламентские выборы, а 27 июня состоялся общереспубликанский референдум. Согласно новому, принятому на референдуме, Основному закону страны Киргизия становится республикой с парламентской формой правления. По мнению членов временного правительства, это не позволит сосредоточить в одних руках всю власть в стране.

Сама идея парламентской республики возникла именно потому, что победители в «новой революции» хронически не могут договориться между собой. Особенно заметными эти разногласия стали во время киргизо-узбекских межэтнических столкновений и погромов на Юге - в Оше и Джалал-Абаде.

Вместо элиты, способной сформулировать общенациональную повестку дня в интересах всего общества, страна пока имеет жестоко конкурирующие между собой группировки влияния, а вместо одного президента Киргизия рискует получить 120 «маленьких президентов-депутатов», перманентно воюющих друг с другом за доступ своих кланов к ресурсам бедной республики.

«АПОЛОГИЯ» КЛАНОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Кланы в центральноазиатских республиках имеют глубокие историко-культурные корни. Премущественность присуща любой национальной культуре, и сила обычая и традиции в азиатских обществах исключительно велика. Родоплеменное деление - не политические партии или неправительственные организации, их не запретишь президентским указом. Они сами и есть закон, по которому жили поколения киргизов, туркмен, казахов, узбеков, та-

джиков, каракалпаков. За тысячелетнюю историю родоплеменные представления успели войти в их плоть и кровь. Они живут в обычаях, традициях народа и хранятся в глубинах ментальности народов региона.

Кланы работают с людьми и используют пропаганду. В Киргизии после «первой революции» 2005 г. насчитывалось более 40 партий, после «второй» 2010 г., по разным оценкам, от 50 до более чем 100 (!). При этом ни одна из них не имела сколько-нибудь заметного влияния на население, поскольку просто не контактировала с населением. И сейчас стольные офисы киргизских политических партий почти всегда пусты. О гражданах эти организации вспоминают за месяц-полтора до выборов и забывают на следующий день после голосования. Та же картина наблюдается во всех без исключения республиках Центральной Азии (там, где политическая жизнь включает измерение межпартийного соперничества и допустимость политических дискуссий). Сейчас, когда в Киргизии после бегства прежнего президента за границу объявлен переход к «парламентской республике», а выборы должны состояться уже в октябре, абсолютное большинство киргизских партий никак не заявляют о себе.

Иное дело - родоплеменные объединения и землячества. Они работают с людьми регулярно, а не только накануне выборов в парламент или местные органы власти. И в Киргизии, и в Казахстане региональные кланы устраивают по праздникам (Нооруз/Наурыз), Орозо-айт/Ураза) и др.) торжественные мероприятия, состязания и игры, помогают малоимущим односельчанам (мукой, углем, деньгами и пр.), строят мечети, организуют общественные работы (очистка арыков, восстановление гравийных дорог, ремонт школ и т.д.). Финансовые расходы покрываются за счет небольших сборов со всех членов и крупных взносов богатых и влиятельных семей, которые имеются в любой общине. Они спонсируют народные гуляния, оплачивают строительные и ремонтные работы. Причем главы «семей» подчеркнуто уважительно относятся к старшим, чтят обычаи и традиции общины.

Перед участием в выборах они обязательно просят аксакалов дать им свое благословение. Этот ритуал подчеркивает, что в политической борьбе лидер выступает именно как представитель сообщества, клана и мнение соплеменников для него священо.

Клановая пропаганда внушает главное правило - «свои поддерживают своих». Для Киргизии этот несложный тезис означает приоритет принципов *уруучулук* (трайбализм) и *жердештик* (землячество) для любого члена общины. В предельном упрощении смысл таков: чем больше «наших» во власти - тем лучше для нас⁷. Эта идея находит у большинства населения всех центральноазиатских республик больший отклик, чем лозунги официальной пропаганды («Казахстан - наш общий дом», «Кыргызстан - страна прав человека» и т.д.).

Сила кланов и в том, что они решают реальные проблемы своих членов. Что делать, когда государство бросает своих граждан на произвол судьбы? Именно так в массовом сознании выглядит реализуемая (с разной скоростью, но в одном направлении) в республиках Центральной Азии стратегия власти по «сворачиванию» социальных обязательств государства перед гражданами. Куда, к кому обратиться человеку, попавшему в беду? К тем, кто помогает без лишней волокиты и не отгораживается непонятными большинству граждан инструкциями и регламентом: к родственникам и землякам, от которых скорее получишь помощь, чем от бюрократического аппарата.

В Киргизии, например, родоплеменные объединения и землячества возрождались в начале 90-х гг. прошлого века не в качестве политических группировок. Начинали эти, стихийные поначалу, образования с возрождения традиций солидарности и взаимопомощи. Это они вернули в повседневную жизнь Киргизии понятия *ашар* (безвозмездное совместное строительство дома для члена общины), *ынтымак* (поддержка), *кошумча* (денежный или имущественный вклад), *жардам* (помощь). И сейчас неформальные объединения поддерживают своих членов не только на малой родине - в регионе,

но и в столице - Бишкеке. Земляки и родственники помогают друг другу устроиться на работу, найти жилье, поступить в вуз. Для рядового киргиза эти сообщества имеют не виртуальную, а вполне конкретную ценность. С их стороны он ощущает понимание и реальное участие в его жизни. Именно тут он находит то, что у него отняли: внимание, содействие и элементарное уважение. Рассматривая тему механизмов функционирования субэтнических групп в Туркмении, Кадиров указывает на те же черты, используя которые кланы «на низовом уровне» почти всегда оказываются эффективнее государственного аппарата.

Другим элементом, способствующим росту влияния и общественной значимости кланов в странах Центральной Азии, является то, что именно через кровнородственные группировки (лежащие, как справедливо отмечает туркменский ученый, в основе любых земляческих или корпоративных объединений) часто реализуется управление и наведение порядка на территории того или иного клана. Ослабление или потеря управления социальными процессами стала настоящим бедствием для Киргизии («после-революционный» период и нынешнее «безвластие» после переворота 7-8 апреля 2010 г.) и Таджикистана (гражданская война).

В Киргизии, например, до осени 2005 г. государственного контроля просто не существовало (да и сейчас на юге страны власть временного правительства сугубо символическая, что лишний раз подтвердили кровавые межэтнические столкновения июня в Оше и Джалал-Абаде в апреле-июне 2010 г. На рынках продавали товары и продукты, качество которых не выдерживало никакой критики. На селе пыльным цветом расцвело скотокрадство, а столица оказалась во власти криминальных авторитетов. Наркомания и алкоголизм проникли даже в школы. Суды, милиция, акиматы и другие госорганы ничего больше не контролировали и ни за что не отвечали. И сегодня после падения режима Курманбека Бакиева временное правительство слабо контролирует ситуацию не только на юге страны, но и в самом Бишкеке.

После «тюльпановой революции» 2005 г. в какой-то момент положение стало абсолютно невыносимым. Люди осознали, что государство не поможет, и за дело взялись неформальные объединения. Кланов легко организовали граждан для наведения порядка. Скандальную известность получил случай в Таласе, где толпа забила камнями рэкетиоров, которые терроризировали весь аил. Хотя это был самосуд и незаконная расправа, общественное мнение республики оказалось на стороне сельской общины - средневековый вариант справедливости возник потому, что правоохранительные органы не справлялись со своими обязанностями.

Бездействие властей вело к расширению и углублению влияния неофициальных объединений в киргизском обществе. В стране начали возрождаться архаические институты - суды аксакалов, курултаи. Особенно на селе традиционные, общинные формы управления сильно потеснили государство. Они устанавливают очередь на полив, решают мелкие земельные и хозяйственные споры, определяют размер *батира* (обязательный подушный сбор в пользу мечети) и т.д. По мере укрепления новой власти эти «побеги кланового возрождения» не упразднились, но интегрировались в социально-политическую систему (курултаи, например, уже давно используются всеми участниками киргизского политического процесса в качестве регулярной демонстрации «народной поддержки»). В настоящее время на фоне очередного ослабления центральной власти в Киргизии именно «низовые» системы самоорганизации населения, использующие клановую солидарность, несомненно, только укрепятся.

Интересно, что, например, в Узбекистане, в условиях совершенно иного социально-политического ландшафта, чем в Киргизии или Казахстане, можно наблюдать похожие тенденции на уровне соседско-родственной общины - *махалли*. И так же, как в Киргизии, власть изначально рассматривала «низовые», прямо переплетенные с традиционными кланами структуры местного самоуправления, в качестве объектов, с которыми следует не бо-

роться, а контролировать и использовать. Именно в Узбекистане старейшины махаллинских комитетов и «ответственные за порядок» - *посбоны* - получают государственную заработную плату: ничего подобного в других республиках региона пока не наблюдается.

К «плюсам» центральноазиатских кланов можно отнести и то, что лидеры неформальных группировок, в отличие от госчиновников, общаются с людьми «на их

му потенциалу Туркмения может сравниваться с такими ключевыми государствами региона, как Казахстан или Узбекистан. Кроме того, страна занимает особое место в Центральной Азии и в Каспийском регионе. Геополитика и сырьевые ресурсы делают республику весьма важным, без преувеличения ключевым, сегментом всей постсоветской Азии. Поэтому для всех мировых центров силы особенно важным становится поиск возможностей эф-

ориентациях наиболее значимых финансово-промышленных и неформальных политических групп влияния в республиках Центральной Азии пользуются самым пристальным вниманием в мировых столицах.

По словам Ш.Кадырова, «кланы неперестанно находятся в движении». Это движение, взаимная борьба и частая смена внутриэлитной конъюнктуры затрудняют изучение проблемы. В его работе намечены лишь контуры будущего большого междисциплинарного исследования судьбы кланов региона и особенно постсоветских элит.

КЛАНЫ ПОБЕЖДАЮТ, КОГДА У ОБЩЕСТВА НЕТ АЛЬТЕРНАТИВЫ

языке». Речь, обращенная к массам, не просто должна - обязана перекликаться с обыденными, ненаучными и неполитическими представлениями людей. Убеждение масс - это искусство, которое требует ежедневного совершенствования и постоянной практики.

Впрочем, в любом случае «сила» киргизских (и всех других центральноазиатских) кланов не в их достоинствах. Она - в многочисленных недостатках политических систем, административных практик управления и в целом политических систем, установившихся в странах региона. Все чаще киргизское, узбекское или казахское общества выбирают трибализм, поскольку другого выбора у них просто не остается.

Кланы подчас оказываются организованней и эффективней не только политических партий и НПО, но и госаппарата; в конечном итоге мощь кланов не усиливает государство, а разывает его. Наглядно это было продемонстрировано в ходе «первой» и «второй» киргизских «революций кланов» марта 2005 г. и апреля 2010 г. или таджикской «межклановой войны» 1992-1998 гг., когда стабильности экономики и общества Киргизии и Таджикистана был нанесен тяжелейший удар, от которого эти страны не могут оправиться до сих пор.

НЕОБХОДИМЫ ДАЛЬНЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ситуация в Туркмении смотрится иначе. По своему ресурсно-

фективных воздействий на элиту и дальнейшая выработка действенной модели сохранения и дальнейшего укрепления своих позиций в межгосударственных отношениях с «постниязовской» Туркменией. Знание скрытых, но весьма значимых для традиционного общества, механизмов принятия решений, перспектив усиления или ослабления контроля различных кланов над политикой и экономикой страны, позволяет выстраивать более эффективные методики продвижения интересов в Туркмении и во всем регионе.

Тем более интересен объективный анализ актуальной внутриполитической ситуации и положения в сфере элит стран Центральной Азии, поскольку, например, в России, ощущается явный дефицит именно этого рода информации. Такие данные представляют интерес, в том числе, и в связи с разворачивающимися общемировыми экономическими кризисными явлениями и глобальными геополитическими трансформациями⁸.

Понимание путей развития внутриэлитных взаимодействий, происходящих в странах региона, изменений в высших элитах накануне трансформаций, ожидающих высшую власть некоторых республик, влияния на них мировых центров силы интересно не только в сугубо академическом смысле.

Клановедение открывает перспективы выстраивания эффективных моделей продвижения интересов. Именно поэтому работы об элитах, их взаимодействии и борьбе, ближайшем окружении лидеров и внешнеполитических

¹ Кадыров Ш. Что такое «башизация» // Эркин Туркменистан (Свободный Туркменистан). Информационно-аналитический бюллетень, 2000, № 2, январь. С. 33-36; Кадыров Ш. Некоторые замечания к вопросу о социальном самочувствии русских в Туркменистане // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. М., 1993. Ч. 2. С. 346-351; Kadyrov Sh. Some Questions on the Study of the Turkmen Family // Central Asian Survey, 1993. Vol. 12, № 3. P. 393-400, и др.

² Кадыров Ш. «Нация» племен. ИВ РАН М., 2003.

³ Понятие «туркмен или» в 1920-1930-х гг. и позднее переводилось как «туркменский народ», «страна туркмен». Ш.Кадыров указывает на то, что такой перевод приемлем, но исконное значение этого понятия все же несколько иное: *туркмен или* - это конфедерация племенных федераций туркмен.

⁴ В казахстанской историографии *жузами* принято называть союзы племен, которые осознают себя частью единой казахской народности и населяют фиксированную традицией часть казахской территории. Всего жузов три: Улы жуз («Старший»), Орта («Средний») и Киши («Младший»). Географически они располагались с юго-востока (Семиречье как ареал расселения Старшего жуза) на северо-запад (место обитания Младшего жуза). Средний жуз занимал самую обширную срединную территорию. Жузы распадаются на 20 неравных по значимости племен, а те - на рода и колена.

⁵ См.: Хлюпин В. Киргизия агонизирует. Страну может спасти только диктатура // ЦентрАзия, 07.11.2006.

⁶ В т.ч.: Кадыров Ш. Этнология управления в Средней Азии: вчера, сегодня, завтра. Туркменистан. Исторический словарь. 29.06.2005 - <http://turkmeny.h1.ru/analyt/a12.html>

⁷ См.: Урумбаев М. Кыргызстан в заложниках у беженцев? // Вечерний Бишкек, 04.07.2005.

⁸ Князев А. Россия возвращается в Центральную Азию // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 5(53).